

Персонаж художественного текста в аспекте этнолингвистики

Галия Гильмулловна Хисамова

Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: galiya.khisamova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность предпринятого в статье исследования связана с анализом речевого поведения персонажа как языковой личности, представляющей процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях художественной репрезентации в аспекте этностилистики. Ориентация на речевое поведение персонажа позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности. Статья посвящена особенностям реализации коммуникативного стиля в художественной прозе В.П. Астафьева и В.М. Шукшина. Русский коммуникативный стиль непосредственно связан с категорией вежливости, которая является национально-специфической и предопределяется культурой народа. Вежливость выступает регулятором поведения людей, проявляется не только в особенностях этикетных формул и их употреблении, но и в наличии национально-специфических стратегий. Цель статьи – выявление национально-культурной специфики этикетного речевого поведения персонажей в рассказах писателей, отражающих фатическое общение. Определено, что этикетные формы с помощью диалогов персонажей, согласно русской национальной традиции, создают прежде всего дружескую тональность общения. В диалогических фрагментах рассказов В.П. Астафьева и В.М. Шукшина функционируют различные формы русского речевого этикета: приветствие, прощание, обращение, пожелание, поздравление, благодарность, извинение, согласие/несогласие, приглашение, предложение, комплимент. Этикетные вкрапления представляют собой отдельные речевые акты, либо встроенные в структуру диалогического фрагмента, либо имеющие самостоятельное значение. Это могут быть этикетные выражения благодарности, извинения и др. Этикетный каркас выполняет функцию поддержания контакта в определенной тональности. В русской речевой культуре возможна ориентированность на низкий уровень вежливости. Для русского коммуникативного стиля характерно свободное проявление эмоций, часто без учета реакции собеседника. Эмоциональная речь персонажей В. Астафьева и В. Шукшина прежде всего фиксируется в эмоционально-оценочной и эмоционально-экспрессивной лексике и поддерживается организацией единиц других уровней художественного текста. Русское речевое общение является статусно-ориентированным, для него характерна асимметричность ролей, демонстрация неравенства коммуникантов. Русское речевое поведение может характеризоваться наличием антиэтикетных форм, которые способствуют возникновению отчужденности между собеседниками.

Ключевые слова: персонаж, языковая личность, коммуникативный стиль, этнолингвистика, этикет, речевое поведение, национальный характер

Для цитирования: Хисамова, Г.Г., 2026. Персонаж художественного текста в аспекте этнолингвистики, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 1, с. 51–59. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.6>

The character of a literary text in the aspect of ethnolinguistics

Galiya G. Khisamova

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation
E-mail: galiya.khisamova@yandex.ru

Abstract. The significance of this research lies in the necessity to analyze the speech behavior of characters through the lens of ethnostylistics, focusing on their speech patterns in the context of a literary work. We gain insight into their personality paying attention to the character's speech patterns. The article explores the distinctive features of communication styles in the works of V.P. Astafiev and V.M. Shukshin. The Russian communication style is deeply intertwined with the concept of politeness, which is culturally and nationally specific and shaped by the unique characteristics of the Russian national character. Politeness serves as a crucial regulator of human behavior, manifesting itself not only through the use of formal expressions but also through the presence of culturally specific strategies. The aim of this article is to uncover the cultural and national peculiarities of the etiquette-based speech patterns of characters in the stories of these writers, which reflect phatic communication. In the works of V.P. Astafiev and V.M. Shukshin, which are rooted in Russian cultural traditions, the etiquette forms employed in the characters' conversations create an action. These works showcase a wide array of Russian speech etiquette, encompassing greetings, farewells, addresses, wishes, congratulations, thanks, apologies, agreements or disagreements, invitations, suggestions, and compliments. The etiquette phrases incorporated into the dialogues are distinct speech acts, either integrated into the dialogue structure or presented as independent statements. These include, for instance, expressions of gratitude and regret. The framework of etiquette phrases serves to maintain contact in a particular manner. In Russian communication, it is possible to employ a more informal level of politeness. The Russian communicative style is characterized by the uninhibited expression of emotions, often without considering the reaction of the interlocutor. The emotional discourse of the characters in the works of V. Astafyev and V. Shukshin exemplifies this characteristic. In Shukshin's works, a significant emphasis is placed on emotionally connotative and emotionally charged vocabulary, as well as the arrangement of linguistic elements at various levels within the literary text. Russian verbal communication is marked by an imbalance in roles and a manifestation of disparity between interlocutors. In Russian speech patterns, it is not uncommon to encounter anti-protocol forms that contribute to the development of estrangement between conversational partners.

Keywords: character, linguistic personality, communicative style, ethnolinguistics, etiquette, speech behavior, national character

For citation: Khisamova, G.G., 2026, The character of a literary text in the aspect of ethnolinguistics, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 51–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.6>

Введение

Речевое поведение персонажа является одной из важнейших составляющих сфер персонажа в художественном тексте. Ориентация на речевое поведение персонажа позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности.

Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Неслучайно само словосочетание «языковая личность» терминологически зафиксировано В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930). Опыт описания героев художественного произведения в качестве языковой личности был впервые осуществлен Ю.Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» (1987).

Под языковой личностью понимается, вслед за Ю.Н. Карауловым, особым образом организованная языковая компетенция индивидуума, представляющая собой структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения. Применительно к художественному тексту набор языковых умений может расцениваться «как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические составляющие, т.е. опредмечивающий в речевых поступках основные стихии художественного образа» [Караулов, 1987: 69]. Выделяются три уровня структуры языковой личности: 1) вербально-семантический (уровень языковых единиц); 2) лингвокогнитивный, включающий понятия, идеи, концепты и отражающий иерархию ценностей; 3) прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки, интенции [Караулов, 1987: 48–68].

Особый интерес вызывает прагматический уровень (прагматикон), представленный совокупностью языковых средств для выражения интенциональной и иллокутивной сферы личности и отражающий особенности национально-культурной специфики ее речевого поведения [Нафикова, Рафикова, 2024].

Изучение речевого поведения персонажа как языковой личности прежде всего связывается с исследованием национального характера литературного героя [Хисамова, 2007: 302].

Национальный характер – это в первую очередь проявление национальной психологии в особенностях поведения людей, это сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения человека в обществе.

Русская национальная личность характеризуется совокупностью важнейших способов регулирования деятельности и общения, возникшего на основе системы ценностей общества. Эти ценности, ставшие элементом национального менталитета (то есть способа восприятия и понимания действительности), нашедшие отражение в русском языке, определяют суть русской национальной личности.

Исследователи отмечают такие черты русского характера, как гуманность, доброту, душевную мягкость, эмоциональность, импульсивность [Прохоров, Стернин, 2006; Вежбицкая, 2011; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012]. Основными чертами, характеризующими национально-культурную специфику русского общения, являются искренность, общительность, оценочность общения, приоритетность «разговора по душам» [Булыгина, Шмелев, 1997: 481]. Особенности доминантных черт речевого поведения формируют национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль, который представляет собой «закрепленные традицией коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления в процессе межличностного взаимодействия тех или иных стратегий и средств коммуникации (как вербальных, так и невербальных)» [Ларина, 2009: 21].

Национальный стиль коммуникации непосредственно связан с категорией вежливости, которая, несмотря на свою универсальность, является национально-специфической и предопределяется культурой народа. Вежливость, являясь центральной коммуникативной категорией, выступающей регулятором поведения людей, проявляется не только в особенностях этикетных формул и их употреблении, но и в наличии национально-специфических стратегий, регулирующих речевое поведение представителей той или иной лингвокультуры, в их направленности и частотности использования [Рахматуллина, 2003; 2023].

Русский стиль коммуникации характеризуется в коммуникативной стилистике как: контактный (в пространственном, вербальном, эмоциональном аспектах); импозитивный (допустимо прямое коммуникативное воздействие на собеседника); прямой (с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций); категоричный (при выражении мнения, отношения, совета, отказа и т. д.); центрированный (характеризуется установкой на самого говорящего); статусно-ориентированный (приоритет часто отдается статусу); ориентированный на средний и низкий уровни вежливости (при симметричных отношениях, а также отношениях «сверху – вниз»); естественный (нестрогое следование нормам); эмоциональный (свободное проявление эмоций, часто без учета реакций собеседника); информативный, ориентированный в большей степени на содержание, а не на форму [Ларина, 2009: 434–435].

Как отдельную проблему можно выделить принципы отбора автором языкового материала для моделирования языковой личности литературного героя [Ишмуратова, 2015; Давлетова, 2016; Игнатов, 2022; Хисамова, Махмутова, Кульсарина, 2020; Хайруллина, 2025; Нафикова, Гимашева, 2025].

Особый интерес в этом плане представляет проза В.П. Астафьева и В.М. Шукшина, мастеров художественного отображения национального межличностного общения: «Не отрицая индивидуального своеобразия каждого художника, можно говорить о сходстве проблем, идейно-эстетических установок в изображении писателями главных героев произведений. Центром их творчества становится человек как социальный и национальный феномен, а целью творчества – исследование неповторимости души русского человека» [Ишмуратова, Хисамова, 2017: 3]. В произведениях данных писателей доминирует динамичный диалог, что позволяет наиболее ярко проявлять себя персонажу как языковой личности.

Статья посвящена национально-культурной специфике этикетного речевого поведения персонажей в рассказах В.П. Астафьева и В.М. Шукшина. В диалогических фрагментах рассказов функционируют различные формы русского речевого этикета: приветствие, прощание, обращение, пожелание, поздравление, благодарность, извинение, согласие/несогласие, приглашение, предложение, комплимент.

Основная часть

В рассказе В.М. Шукшина «Даешь сердце!» встреча главного героя ветфельдшера Алексея Ивановича Козулина с участковым начинается с приветствия:

В полдень на ветучасток к Козулину приехал грузный, с красным, обветренным лицом участковый милиционер.

– Здравствуйте, товарищ Козулин!

Козулин удивленно посмотрел на милиционера.

– **Здравствуйте.**

– *Надо будет... это... приехать в сельсовет. Протокол составить* [Шукшин, 1992: 386].

Позднее в разговоре председателя с ветфельдшером Козулиным используются формулы приглашения, извинения, благодарности, использование которых определяется содержанием разговора. В финальной части разговора употребляются формулы этикета для завершения контакта:

– *Мы вас больше не задерживаем, товарищ Козулин, – сказал председатель. – Идите работайте.*

Заходите, если что понадобится.

– **Спасибо.** – *Фельдшер поднялся, надел шапку, пошел к входу. На пороге остановился... Обернулся <...>*

Потом потрогал лоб и глаза и сказал тихо:

– *Опять нашло... До свиданья.* – *И вышел* [Шукшин, 1992: 389].

Составным элементом разрыва коммуникативного контакта между персонажами в данном фрагменте является завершение темы разговора и прощания, осуществляемые посредством этикетной речевой формулы.

Согласно русской национальной традиции, формы пожелания (или благопожелания) используются либо вместе с формами приветствия (при встрече или прощании), либо вместо них:

1) *Прежде чем уйти от женщины, делавшей свою маленькую, хлопотливую работу, я, как тогда, в войну, поклонился и сказал:*

– **До свидания, мамаша!**

Она взглянула на меня <...>

– **Доброго пути, милый сын!** – *молвила она и занесла руку словно бы для прощального приветия, но лишь поправила халат на груди («Солдат и мать»)* [Астафьев, 1984: 364].

2) *Когда последний вагон прострочил пулеметом на стрелке, Сергей Митрофанович совсем уж тихо повторил:*

– **Мирной вам службы!** («Ясным ли днем») [Астафьев, 1984: 69].

3) *Старики Нехорошевы и Князев с женой завтракали.*

– **Приятного аппетита,** – *сказал председатель. И посмотрел на Князева. – С приездом вас («Штрихи к портрету»)* [Шукшин, 1993: 289].

Этикетные вкрапления представляют собой отдельные речевые акты, либо встроенные в структуру диалогического фрагмента, либо имеющие самостоятельное значение. Это могут быть этикетные выражения благодарности, извинения и др. Например:

1) *Данила прислонил к стенке ружье, вычищенное, впрок смазанное, сказал заранее заготовленное:*

– **Вот, благодарствую.** *Шибко оно нас выручило («Пролетный гусь»)* [Астафьев, 2002: 692].

2) *Мужчина сел, глядя вперед, на дорогу, тихо сказал:*

– **Вы это ...извините** *меня. Наговорил я тут, самому тошно. – Он нахмурился, ослабил галстук, глянул на женщину... («Кукушкины слезки»)* [Шукшин, 1992: 267].

Национально-культурная специфика этикетного речевого поведения предусматривает уважительное отношение к пожилым людям. Например, согласно русскому обычаю, сначала к столу приглашают пожилых людей, предоставляя им почетное место:

– **Мама, тебе почет и место!** <...>

– **Спасибо, дети мои, спасибо за уважение** («Последний поклон. Бабушкин праздник») [Астафьев, 1983: 220].

Формула этикета передает уважительное отношение к бабушке, чей день рождения отмечают односельчане и близкие. Во время «бабушкиного праздника» гости произносят поздравления, пожелания:

Дядя Левонтий и Мишка Коршуков, стоя рядом, чокнулись с бабушкой, с дедушкой.

– **С ангелом, Катерина Петровна! С праздником! Со свиданьем!**

– **Кушайте, гости, кушайте, дорогие!**

Бабушка притронулась губами к рюмочке и оставила ее:

– **Гостю – воля, имениннику – почет!** <...>

Мишка Коршуков и дядя Левонтий пили удаю, согласованно:

– **Хороша, да горьковата!** – *возгласил дядя Левонтий и сплюнул под стол.*

Мишка высказался, как всегда, следом за старшим товарищем:

– **Нет той птицы, чтоб пила-ела, но не пела!** – *и поднял с поля гармошку, пробежал по пуговицам проворными пальцами* [Астафьев, 1983: 223–224].

В диалогическом фрагменте описывается щедрое застолье, где собирается вся «родова», «все целуются друг с другом и, разморенные, добрые ласковые, дружно поют песни».

Этикетный каркас выполняет функцию поддержания контакта в определенной тональности. Персонажи, действуя по этикетным правилам поведения, создают прежде всего дружескую тональность общения.

Например, в рассказе В. Астафьева «Ночь космонавта» сибирский лесник Захар Куприянович и космонавт Олег Дмитриевич, встречаясь впервые, устанавливают дружеский контакт с помощью «вежливых» приветствий:

Человек, сидевший на чурбаке возле костра, встрепенулся, заметив, что космонавт шевельнул головой, выплюнул сигарку в костёр и широко развёл скобоченный рот, обмётанный рыжеватой с проседью щетиной.

– **Ну, здравствуй, Алек Митрич! Добро пожаловать, как говорится, на родную землю!**

– **Здравствуйте!** – отчего-то растерянно ответил космонавт и вспомнил – это ведь первое слово, произнесённое им на Земле по-настоящему вслух! Хорошее слово! Его всегда произносит человек человеку, желая добра и здоровья. Замечательное какое слово! [Астафьев, 1984: 293].

В русской речевой культуре возможна ориентированность на низкий уровень вежливости. Сравните фрагменты текста, представляющие два разных уровня вежливости:

1) *Вечером Николай Иванович перечитывал в своей комнате оба письма... Потом бросил оба письма в стол и громко сказал:*

– *А черт его знает – как?*

– *Что ты? – спросила жена <...>*

– **Нет, все в порядке. Поддай газеты, пожалуйста** («Два письма») [Шукшин 1992: 284].

2) *Данила Явсеич заторопился открывать дверь в избу, и, когда в горнице Парасковья принялась спешно сдирать с дочери мокрую одежду, подвывая при этом, он сурово прикрикнул на оробевшего Кирьку:*

– **Чего пялишься? Выдь отседова, покурим на улке!** («Деревенское приключение») [Астафьев, 1984: 417].

В приведенных контекстах в качестве формы завершения контакта используются побуждающие речевые действия, выражающие просьбу, причем в первом контексте персонаж произносит фразу, которая сопровождается формами, передающими актуализацию вежливости просьбы («пожалуйста»), в последующих контекстах побуждающие речевые действия носят стилистически сниженный характер и выражают требование или даже приказ.

Русское речевое поведение может характеризоваться грубостью и наличием антиэтикетных форм поведения, способствующих возникновению отчужденности между собеседниками, нарастанию агрессивности и прекращению общения. Важную роль в структуре ситуации при этом играют речевые клише: *отстань, не приставай, оставь меня в покое, знать тебя не желаю, не попадайся мне на глаза, чтоб духу твоего здесь не было* [Брагина, 2013: 47–48].

Указанные клише встречаются в диалогах персонажей В.П. Астафьева и В.М. Шукшина:

– *Поломойка! Нищенка! Чтoб духу твоего здесь не было!* – сорвалась Нелли Сергеевна на крик («Пролетный гусь») [Астафьев, 2002: 700].

– *Обормоты, – говорил он на ходу. – Не были же, не были – и в глаза врут стоят. Штыбы бы вам околеть, не дожидая века! Штыбы бы вам... жены злые попались!* («Дядя Ермолай») [Шукшин, 1993: 77].

Этикетные речевые жанры отражают социальную регламентированность, подчиняясь законам социально дифференцированного применения языковых единиц [Нафикова, 2025]. Например:

1) *...баба с корзиной, перемахнув на него, задыхливо твердила:*

– **Дай тебе, Митяй, бог здоровья! Вот дай тебе бог...** («Митяй с землечерпалки») [Астафьев, 1984: 167].

2) *Еще постояли.*

– **Ну, с богом!** – сказал старик («В профиль и анфас») [Шукшин, 1992: 321].

3) *Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:*

– **Спаси тебя Христос!**

И вышла из камеры («Материнское сердце») [Шукшин, 1992: 424].

Формы этикетных высказываний способствуют передаче социальной характеристики персонажа и указывают на возрастные особенности литературных героев. В приведенных контекстах формы «Дай тебе бог здоровья!», «С богом!», «Спаси тебя Христос!» употребляются преимущественно в речи пожилых людей.

Русское речевое общение является статусно-ориентированным, для него характерна асимметричность ролей, демонстрация неравенства коммуникантов. Наиболее ярко это отражается в рассказах В.М. Шукшина [Хисамова, 2007: 52].

После назначения Александра Щиблетова (рассказ «Ораторский прием») старшим на лесозаготовках он почувствовал себя «деятелем с неограниченными полномочиями». В его речи преобладают императивные тактики запрета, команды, приказа:

– *Ко всем обращаюсь!* – возвысил голос Щиблетов, глядя в кузов через задний борт. – **Чтоб вот такого больше не повторялось!** [Шукшин, 1993: 108].

– **Не останавливаться!** – строго сказал Щиблетов [Шукшин, 1993: 109].

Кадровик Синельников (рассказ «Ноль-ноль целых») самоутверждается, ставя собеседника на нижнюю по сравнению с собой позицию. Он пытается унижить Кольку Скалкина, пришедшего за своей трудовой книжкой:

– *Я же не на лекцию пришел, верно? Я за трудовой книжкой пришел.*

– **И лекцию не вредно послушать. Не на лекцию он пришел... Водку жрать у них денег хватает, а тут, видите ли, мало платят... Глоты. И сосут, и сосут, и сосут-ут эту водку!.. Как не надоест-то? Очуметь же можно. Глоты несчастные!** [Шукшин, 1993: 80].

Синельников самоутверждается за счет форм социального доминирования, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой позицию. Это проявляется в категоричности высказываний, в тональности пренебрежения при интонировании фраз, в использовании императивов с модально-экспрессивными значениями, бранной лексики.

Для русского коммуникативного стиля характерно свободное проявление эмоций, часто без учета реакции собеседника.

Эмоциональная речь персонажей В. Астафьева и В. Шукшина прежде всего фиксируется в эмоционально-оценочной и эмоционально-экспрессивной лексике и поддерживается организацией единиц других уровней художественного текста:

– *Эй ты, молокосос!* – воззрился на него из открытой двери нашего «салона» Кир Кирыч. – *Еще раз обматерись при людях, я выбью тебе зубы! Все! Сразу!*

– *Какой выбива-ало наше-олся!* – начал было волосатик ... («Слепой рыбак») [Астафьев, 2002: 584].

Владимир Семеныч искусственно – недобро – посмеялся.

– *Что, опять?* – спросила Софья Ивановна значительно и строго.

– *Да вы только это... не смотрите на меня, не смотрите таким... крокодилом-то,* – сказал Владимир Семеныч («Владимир Семеныч из мягкой секции») [Шукшин, 1993: 24].

Состояние эмоциональной напряженности говорящих как особенность русского менталитета наиболее часто проявляется в таких жанрах повседневного общения, как спор, ссора:

Принимая хозяйство, генерал-директор увидел бесконечно копающуюся Клеопатру и ткнул в нее пальцем:

– *Это что?*

– *Курица, – чую надвигающуюся грозу, как можно спокойней ответила тетя Тося.*

– *Вижу, что не гусь. Я спрашиваю, почему она тут?*

– *Она яички несет, – пояснила тетя Тося.*

– *Я-а-ички!* – рявкнул генерал, и румянец покинул его лицо. – *Вы, может, еще конюшню тут разведете?*

– *Зачем же конюшню-то? Курица, она опрятная, места мало занимает <...> мы к ней привыкли... как к человеку.*

– *Мало ли к чему вы тут привыкли!* – взревел генерал. – *Безобразие! Не железнодорожная часть, а орс какой-то, подсобное хозяйство! Цирк!..* («Курица – не птица») [Астафьев, 1984: 217].

Для русской коммуникативной культуры в силу ее особенностей стратегии дистанцирования, отдаления не столь типичны. Они реализуются в меньшем количестве, что позволяет говорить о большей контактности в речевом поведении русских, проявляющейся как на невербальном, так и на вербальном уровнях.

Неслучайно беседа, «разговор по душам» являются наиболее предпочтительными жанрами речевого общения. Сюжетообразующим мотивом рассказа В. Шукшина «Выбираю деревню на жительство» является одна «странность» героя – «вполне нормального» человека, кладовщика, Кузовникова Николая Григорьевича, который каждую субботу отправляется на вокзал большого города, где в разговорах с проезжими деревенскими людьми якобы «выбирает деревню на жительство»:

Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, но не ходить на вокзал он уже не мог. Была потребность выговориться, отвести душу. Так, выговорившись, с адресами в кармане Николай Григорьевич шел домой [Шукшин, 1993: 309].

В шукшинском рассказе «Охота жить», характеризуя старика Никитича, автор отмечает его болтливость, привычку порассуждать в разговоре с городскими: *Никитич может рассуждать таким манером хоть всю ночь – только развеешь уши. Свои бы, деревенские боталом обозвали, а эти слушают.*

Приятно. И сам иногда подумает о себе: складно выходит, язвы тв. Такие турусы разведет, что тебе поп раньше [Шукшин, 1992: 217].

Слово «ботало» в словарях народных говоров трактуется как «болтливый человек» с пометкой «неодобрительное».

Порой «излишняя» контактность человека приводит к коммуникативной неудаче. Так, герой одноименного шукшинского рассказа Чудик во время поездки на Урал пытался общаться с попутчиками. Рассказал одну историю «какому-то интеллигентному товарищу», когда стояли в тамбуре поезда, курили, но «интеллигентный товарищ» не поддержал разговор. Сосед Чудика в самолете – лысый и со вставной челюстью – повел себя достаточно агрессивно:

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он. И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками трогать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся [Шукшин, 1992: 341].

Негативная реакция персонажа выражается не только с помощью реплик, но и с помощью авторских комментариев («лысина побагровела», «закричал шепеляво»).

Одной из доминант русского стиля коммуникации является допустимость оказания прямого воздействия на собеседника. На языковом уровне это проявляется в широком употреблении императива, в усилении просьбы, приглашения:

Скоро картофель взойдет, огородинка всякая. Наступит пора гряды полоть, овощ окучивать. Паруню уже тогда в покое не оставят, нет-нет да кто-то из телятниц прибежит: «Подмени меня – ребенок заболел», «Подежурь за меня – в город надо», «Помоги картошку посадить, дров напилить, за сеном съездить, телку отходить – подавилась» («Паруня») [Астафьев, 1984: 476].

Русский коммуникативный стиль, отражая коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, находит яркое воплощение в произведениях В.П. Астафьева и В.М. Шукшина.

Заключение

Своеобразие русского коммуникативного стиля, детерминированное культурным кодом и народными традициями, получило глубокое художественное осмысление в произведениях таких мастеров слова, как В.П. Астафьев и В.М. Шукшин. Национально-культурная специфика прежде всего затрагивает область этикетного речевого поведения, представляющего собой широкую область стереотипов общения в различных ситуациях межличностного взаимодействия. Этикетное речевое поведение персонажей проявляется не только в особенностях употребления этикетных формул, но и в наличии национально-специфичных стратегий речевого поведения представителей того или иного лингвокультурного сообщества, позволяющих писателям изобразить русский национальный характер.

Источники и материалы

Астафьев, В.П., 1983. *Последний поклон*. М.: Детская литература, 286 с.

Астафьев, В.П., 1984. *Рассказы*. М.: Советская Россия, 502 с.

Астафьев, В.П., 2002. *Жестокие романсы. Рассказы*. М.: Эксмо, 864 с.

Шукшин, В.М., 1992. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 558 с.

Шукшин, В.М., 1993. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 3. М.: Молодая гвардия, 610 с.

Список литературы

Брагина, Н.Г., 2013. Невежливость как ритуал (речевые формулы антикоммуникативного поведения), *Ритуал в языке и коммуникации*. М.: Знак, с. 45–57.

Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д., 1997. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки славянской культуры, 576 с.

Вежбицкая, А., 2011. *Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 568 с.

Давлетова, Т.А., 2016. Персонаж художественного произведения как языковая личность, *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, с. 11–14.

Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д., 2012. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянских культур, 696 с.

Игнатов, И.А., 2022. Языковая модель описания образа человека (литературного персонажа), *Гуманитарный научный вестник*, № 8, с. 1–13. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6782140>

- Ишмуратова, С.Р., 2015. Своеобразие речевой характеристики персонажей в рассказах В.П. Астафьева и В.М. Шукшина, *Вестник Башкирского университета*, т. 20, № 4, с. 1344–1346.
- Ишмуратова, С.Р., Хисамова, Г.Г., 2017. *Речевое поведение персонажа в художественном тексте*. Уфа: РИЦ БашГУ, 116 с.
- Караулов, Ю.Н., 1987. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 264 с.
- Ларина, Т.В., 2009. *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянской культуры, 512 с.
- Нафикова, С.Р., 2025. Специфика функционирования этикетных речевых жанров в художественном тексте, *Историко-культурное наследие Евразии. Материалы Международной научной конференции*, отв. ред. З.Я. Рахматуллина. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, с. 330–334.
- Нафикова, С.Р., Гимашева, Г.М., 2025. Речевая характеристика персонажа как средство репрезентации лингвокультурных стереотипов в башкирском и русском языках, *Казанская наука*, № 10, с. 399–401.
- Нафикова, С.Р., Рафикова, Г.М., 2024. Речевое поведение: специфика и основные компоненты, *Казанская наука*, № 11, с. 421–423.
- Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А., 2006. *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта, Наука, 238 с.
- Рахматуллина, З.Я., 2003. *Уроки этикета*. Уфа: РИО БашГУ, 222 с.
- Рахматуллина, З.Я., 2023. *Традиционные ценности башкир: история и современность*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 216 с.
- Хайруллина, Р.Х., 2025. *Филологический анализ художественного текста: лингвокультурологический аспект*. Уфа: Издательство БГПУ, 134 с.
- Хисамова, Г.Г., 2007. *Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина)*. М.: МГПУ, 350 с.
- Хисамова, Г.Г., Махмутова, А.С., Кульсарина, И.Г., 2020. *Особенности национального характера в произведениях русской литературы XIX–XX веков: лингвокультурологический аспект исследования*. Уфа: РИЦ БашГУ, 158 с.

References

- Bragina, N.G., 2013, Impoliteness as a ritual (speech formulas of anti-communicative behavior), *Ritual in language and communication*. Znak, Moscow, pp. 45–57. (In Russ.)
- Bulygina, T.V., Shmelev, A.D., 1997, *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Languages of Slavic culture, Moscow, 576 p. (In Russ.)
- Vezhbtskaya, A., 2011, *Semantic universals and basic concepts*. Languages of Slavic cultures, Moscow, 568 p. (In Russ.)
- Davletova, T.A., 2016, A character in an artistic work as a linguistic personality, *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 11–14. (In Russ.)
- Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D., 2012, *Constants and variables of the Russian linguistic picture of the world*. Languages of Slavic cultures, Moscow, 696 p. (In Russ.)
- Ignatov, I.A., 2022, The linguistic model of describing the image of a person (literary character), *Humanitarian Scientific Bulletin*, no. 8, pp. 1–13. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6782140> (In Russ.)
- Ishmuratova, S.R., 2015, The peculiarities of speech characteristics of characters in the stories of V.P. Astafyev and V.M. Shukshin, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 20, no. 4, pp. 1344–1346. (In Russ.)
- Ishmuratova, S.R., Khisamova, G.G., 2017. *The speech behavior of a character in a literary text*. Editorial and publishing center of Bashkir State University, Ufa, 116 p. (In Russ.)
- Karaulov, Yu.N., 1987, *The Russian language and linguistic personality*. Nauka, Moscow, 264 p. (In Russ.)
- Larina, T.V., 2009, *The category of politeness and the style of communication. Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Languages of Slavic culture, Moscow, 512 p. (In Russ.)
- Nafikova, S.R., 2025, The specifics of the functioning of etiquette speech genres in fiction, *Historical and cultural heritage of Eurasia. Proceedings of the International scientific conference*, eds. Z.Ya. Rakhmatullina. Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, pp. 330–334.
- Nafikova, S.R., Gimashева, G.M., 2025, Speech characterization of a character as a means of representing linguocultural stereotypes in the Bashkir and Russian languages, *Kazanskaya Nauka*, no. 10, pp. 399–401.
- Nafikova, S.R., Rafikova, G.M., 2024, Speech behavior: specifics and main components, *Kazanskaya Nauka*, no. 11, pp. 421–423.
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A., 2006, *Russians: communicative behavior*. Flinta, Nauka, Moscow, 238 p. (In Russ.)

Rakhmatullina, Z.Ya., 2003, *Etiquette lessons*. Editorial and publishing department of Bashkir State University, Ufa, 222 p. (In Russ.)

Rakhmatullina, Z.Ya., 2023, *Traditional values of the Bashkirs: history and modernity*. Institute of History, Language and Literature, Ufa, 216 p. (In Russ.)

Khairullina, R.Kh., 2025, *Philological analysis of the literary text: linguocultural aspect*. Bashkir State Pedagogical University Publ., Ufa, 134 p. (In Russ.)

Khisamova, G.G., 2007, *Dialogue as a component of a literary text (based on the material of V.M. Shukshin's fiction)*. Moscow State Pedagogical University, Moscow, 350 p. (In Russ.)

Khisamova, G.G., Makhmutova, A.S., Kulsarina, I.G., 2020, *Peculiarities of National Character in the works of Russian literature of the 19–20 centuries: linguistic and cultural aspect of the study*. Editorial and Publishing Center of Bashkir State University, Ufa, 158 p. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Галия Гильмулловна Хисамова, доктор филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-2097-7586>; e-mail: galiya.khisamova@eandex.ru

Information about the author

Galiya G. Khisamova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-2097-7586>; e-mail: galiya.khisamova@eandex.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 27.02.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 13.03.2026

Принята к публикации / Accepted 16.03.2026